

В.А. Шнирельман

«Разжигание вражды» или создание «образа врага»?

Готовясь к участию в конференции, посвященной современным учебникам истории, я полагал, что в центре обсуждения будут новые подходы к изложению истории в школе, способные отойти от стереотипов, выработанных специалистами по «национальной истории». Именно поэтому мне казалось полезным предложить возможные варианты таких подходов, и я ожидал, что, во-первых, со своими предложениями выступят и другие участники встречи, и, во-вторых, именно такие предложения и будут в центре обсуждения. На удивление, ничего подобного не произошло. Хуже того, в моих предложениях кое-кто усмотрел руку некоего таинственного «Центра», заинтересованного в «разжигании вражды». Впрочем, мне не впервой встречаться с такой реакцией, свойственной некоторым ученым из новых постсоветских государств, обладателям «травматического сознания», уверенным в том, что российские ученые приезжают на конференции исключительно с тем, чтобы выступать с «поучениями» и «рекомендациями», да еще и идущими из какого-то мифического «Центра». И хотя они всячески убеждают, что, если они негативно относятся к России, это вовсе не относится к ее гражданам, на практике происходит нечто прямо противоположное. На конференциях, касающихся острых вопросов современности, в которых совместно участвуют представители постсоветских государств, включая россиян, непременно находится кто-то, у кого всё, с чем бы ни выступали участники из России, вызывает негативную реакцию. При этом абсолютно те же рассуждения из уст западных ученых воспринимаются вполне позитивно.

Вот и в данном случае, даже тогда, когда мы с моими грузинскими коллегами, казалось бы, разделяем сходную точку зрения, они все равно находят необходимым указать, что я все-таки неправ. Они даже напоминают мне об эпохе махаджирства, хотя об этой достойной сожаления странице в истории императорской России я и сам критически писал в своих работах¹. Но, кроме этого, я писал и о некоторых других вещах, которые было бы полезно знать тем, кто считает себя «культурологами» и «специалистами по конфликтам».

Впрочем, моих работ грузинские коллеги принципиально читать не хотят. Они предпочитают думать, что там содержится только «библиография», но даже и с ней они знакомиться не намерены. На словах всячески дистанцируясь от советского наследия, на деле они выносят свои априорные суждения о работах, с которыми незнакомы, тем самым, демонстрируя худшие образцы такого наследия. Мало того, с гордостью подчеркивая длительность грузинской историографической традиции (и в этом они правы – здесь есть чем гордиться), сами они плохо с ней знакомы. И не желают обращаться к работам «светил». Ведь иначе созданный ими для себя образ рискует разрушиться.

Должен также отметить, что некоторые участники встречи не только невнимательно слушали то, что говорили их коллеги, но и невнимательно читали присланные тексты. Я с самого начала отметил, что, в отличие от многих участников, не представляю никакой организации, а излагаю исключительно свою точку зрения. О том же шла речь в моем первом ответе грузинским коллегам, где было отмечено, что мои предложения предназначены для обсуждения и вовсе не являются какой-либо **директивой** (да и о какой директиве сегодня может идти речь?). Добавлю к этому, что сегодня большинство из сформулированных мною предложений не только не используются в России, но даже не обсуждаются (зато они обсуждаются в некоторых странах Запада). И, тем не менее, кое-кому

---

¹ О радикальных демографических изменениях в Абхазии за сто лет см.: Muller D. Demography: ethno-demographic history, 1886–1989 // B.G. Hewitt (ed.). The Abkhazians: a handbook. N. Y.: St. Martin's press, 1998. Pp. 218-239.

из участников конференции очень захотелось изобразить меня агентом загадочного «Центра» и на этом основании отвергнуть все мои предложения без какого-либо обсуждения. Я бы не придавал этому большого значения, если бы были выдвинуты какие-либо иные заслуживающие большего внимания предложения, которые бы стали предметом обсуждения. Но и этого не произошло, что кажется странным.

Второе замечание касается анализа конфликтных ситуаций. Должны ли специалисты вообще заниматься таким анализом? На первый взгляд, этот вопрос кажется неуместным, ибо у серьезных ученых сомнений в этом отношении не возникает. Между тем, и здесь не все так просто. Мне известны случаи, когда социологов, пытавшихся разобраться в конфликте, обвиняли в его «разжигании». За этим, разумеется, стоят интересы участников конфликта, вовсе не заинтересованных в его объективном анализе и, особенно, в результатах такового. Но возможно ли выйти из конфликтной ситуации без детального анализа ее причин, состава участников и их интересов, идеологии конфликта? На мой взгляд, это – вопрос риторический. В связи с тематикой прошедшей конференции наибольший интерес представляет идеология конфликта, так как именно она более всего связана с образом истории. Но некоторым участникам конференции именно этот вопрос показался взрывоопасным, и в попытке такого анализа они тут же усмотрели «разжигание вражды», не заметив, что речь шла вовсе не о широковещательных заявлениях в СМИ, а о научном обсуждении в узком кругу специалистов. И именно те, кто выступали с подобными утверждениями, уклонились от какого-либо анализа конфликта.

Между тем, без детального анализа образов истории и смыслового содержания понятий и терминов, содержащихся в «национальных историях», суть идеологического конфликта останется неясной. Скажем, можно ли понять смысл грузино-абхазского противостояния, не зная, почему абхазам дорог образ «абазгов» как их собственных раннесредневековых предков, делающих их подлинно «коренным народом»? Поэтому понятна негативная реакция абхазов на «толерантный» грузинский учебник, где «абазги» превращаются в предков грузин. Между тем, такая версия унаследована «толерантным» грузинским учебником от его более ранних версий, которые в конечном итоге заимствуют немало из предшествующей историографической традиции, создававшейся не без участия П. Ингорквы (как бы грузинские коллеги ни пытались это «опровергать»). Причем речь идет о традиции, сложившейся именно во второй половине XX в. Поэтому ссылка грузинских коллег на длительность грузинской историографической традиции в данном отношении является уловкой, призванной увести читателя в сторону от сути реальной проблемы.

Разумеется, следует также понимать и содержание термина «грузин», что, как справедливо отмечают грузинские коллеги, требует знания грузинского языка. Так как в этом отношении они доверяют только своим соотечественникам или западным ученым (преимущественно, англоязычным), то, чтобы избавить их от необходимости снова проверять цитаты и уличать меня в «непонимании» текстов, я обращусь к прямому цитированию первоисточников на языках оригинала. При этом отмечу, что в ходе истории термины меняли свой смысл, и это следовало бы объяснить тем, кто грузинского языка не знает. Мало того, за вековую историю термин может обрастать самыми разными смыслами, и поэтому наши современники способны эффективно этими смыслами манипулировать, наделяя один и тот же термин разным содержанием в зависимости от контекста.

По словам грузинского автора, называя свою родину *Сакартвело*, грузины прекрасно понимают, что в переводе это означает «для картвелов», «принадлежащая картвелам (земля)»². Следовательно, необходимо разобраться в том, что именно в разные эпохи вкладывалось в термин «картвел». Вот что пишет по этому поводу известный современный

---

² Гараканидзе М. Грузинское деревянное зодчество. М.: Искусство, Сабчоа Сакартвело, 1959. С. 19.

грузинский историк. Он подчеркивает, что в X в. термин «грузин» был переосмыслен. «В связи с этим расширяется и значение термина «грузин» (*картвели*), который распространяется не только на родственные западнокартвельские группы, но и на всех тех православных христиан на Кавказе, кто слушал богослужение на грузинском языке. Такое понимание термина «грузин» вовсе не исключало этническую индивидуальность того или иного «грузина» по вере, но негрузина по своей национальной принадлежности – скажем, абхаза, осетина, албанца (ранца), лека и др. Таким образом, термин *картвели* в X в. наряду с этнополитическим, получил также культурно-политическое значение. Вскоре после этого появляется и термин *Сакартвело* (страна картвелов), а хороним *Картли* стал обозначать уже только одну из областей Восточной Грузии»³. Из этого следует, что, во-первых, никаких «грузин» (*картвели*) в Западной Грузии до X в. не было (но предки мегрелов там жили), во-вторых, еще в эпоху средневековья термин утратил свою однозначность, и, в-третьих, в советское время, когда религиозность не приветствовалась, его значение снова сузилось, и он стал прежде всего этническим. Тем не менее, прежние смыслы не исчезли, и термин обрел многозначность, т. е. в устах разных людей и в разных ситуациях он до сих пор может пониматься по-разному. Поэтому совершенно напрасно грузинские коллеги убеждают нас в том, что смысл термина *Сакартвело* якобы абсолютно однозначен. Возможно, они хотят сами в это верить. Но среди их соотечественников есть и такие, кто думают иначе. Вот, например, что писала известная английская исследовательница о значении лозунга «Грузия для грузин» для звиадистов. “From meaning ‘all who live under Georgian sovereignty’, approximately in the way ‘Russian’ was used to mean ‘Soviet citizen’ in the West before the break-up of the USSR, the term *k’art’velebi*, ‘Georgian’, is increasingly being used in the restricted sense of ‘ethnic Georgians’. The extreme nationalist claim to exclusive rights to a Georgian identity is now backfiring as the marginalized minorities create new identities for themselves and secessionist movements arise (with or without Russian assistance).”⁴ В этом смысле ни абхазы, ни осетины к «грузинам» не принадлежали и не могли входить в *Сакартвело* как «принадлежащую картвелам»⁵. Впрочем, вопреки изложенному мнению английской исследовательницы, такое понимание термина возникло еще в советскую эпоху.

Абхазы прекрасно знают обо всех этих смыслах, которыми искусно манипулируют грузинские политики в зависимости от конъюнктуры. Это и стоит за той фразой из моего ответа грузинским коллегам, которая вызвала у них столь бурную реакцию. Мало того, абхазы помнят и о том, как в годы Звиада Гамсахурдиа аварской общине под давлением шовинистической пропаганды пришлось уехать из Грузии на свою «историческую родину». Интересно, как бы на это отреагировал аварский князь, о желании которого объединиться с Грузией говорила в своем выступлении Н. Чиковани? Вот почему ни у абхазов, ни у осетин сегодня и нет доверия к грузинским политикам и к грузинским ученым.

Теперь о гражданском значении термина *Сакартвело*. Советский Союз делился на автономии разного ранга. Разумеется, каждую из них можно воспринимать как «гражданскую общность». Но в таком случае, если кто-либо хочет понимать это как подтверждение того факта, что местное население жило на территории, названной по имени автономии, то, соглашаясь, что население Грузии жило на «грузинской территории», следует

---

³ Анчабадзе Г. Грузино-абхазское государство: историческая традиция и перспективы // Аспекты грузино-абхазского конфликта / Под ред. П. Гарб и др. Ирвайн: University of California, Irvine, 2001. Т. 5. С. 314.

⁴ Law V. Language myths and the discourse of nation-building in Georgia // G. Smith et al. Nation building in the post-Soviet borderlands. The politics of national identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 193.

⁵ Hewitt B.G. Yet a third consideration of Völker, Sprachen und Kulturen des südlichen Kaukasus // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14, No. 2. P. 303.

согласиться и с тем, что население Абхазии жило на «абхазской территории». Так что, подобно предыдущему, и этот аргумент опасен для современной Грузии.

И еще несколько слов по поводу оценки нового грузинского учебника. Здесь не место вдаваться в подробности военной агрессии августа 1992 г., которая привела как к массе человеческих жертв, так и к появлению громадного числа беженцев. Все это сегодня хорошо известно. Менее известно то, какой удар это нанесло по исторической памяти абхазов. В ноябре 1992 г. грузинские боевики сожгли Абхазский научно-исследовательский институт со всем его историческим архивом, археологическими и этнографическими коллекциями. Были уничтожены Центральный государственный архив Абхазии, Партархив Абхазского Рескома КП Грузии, местный краеведческий музей в Сухуми, разгрому подверглись школы, библиотеки, театры. Это была расправа с абхазской историей, попытка лишить абхазов исторической памяти. Зная это, как можно оценить якобы «объективную» попытку анализировать на-равных якобы «толерантный» грузинский учебник и якобы «нетолерантный» абхазский? И к тому же говорить о равной ответственности агрессора и жертвы за разрушительную войну? Какие этические нормы стоят за таким подходом, не желающим считаться с утратами, понесенными абхазами и полностью признать вину другой стороны? Зато желающим навязать «нетолерантным» абхазам грузинское видение истории?

Мало того, грузинские коллеги всеми силами пытаются обвинить выходцев с Северного Кавказа, пришедших на помощь абхамам в отражении агрессии. Между тем, хотелось бы напомнить, что в той войне население Северного Кавказа было полностью на стороне абхазов: здесь принимали многочисленных беженцев, находили им жилье, устраивали их на работу, и, кроме того, собирали продуктовые и вещевые посылки для пострадавших от варварского нападения. И **абхазский народ** с благодарностью помнит об этой помощи. Попутно замечу, что и в недавней войне в Южной Осетии многие жители Северного Кавказа поддерживали осетин.

Кстати, мои оппоненты так и не ответили на вопрос о том, кто посылал грузинских боевиков в Абхазию воевать против абхазов. Им гораздо интереснее рассуждать о «Конфедерации народов Кавказа». Вопрос о том, кто развязал ту войну в регионе, да и все последующие, они снова обходят. Здесь уместно сослаться на весьма конкретную статью уважаемого ими автора, который дает сбалансированную картину недавних событий и называет агрессора по имени⁶. Можно также напомнить доклад международной группы по расследованию причин недавней войны в Южной Осетии, где говорится, что «ночью с 7 на 8 августа Тбилиси начал неспровоцированную агрессию». Не отличается от этого и заключение Human Rights Watch. Поэтому остается непонятным, как грузинская агрессия августа 2008 г. могла быть, по утверждению грузинских коллег, «частью российской (и глобальной) политики». Или они и президента Саакашвили зачисляют в агенты «московского Центра»? В любом случае «подталкивание» учащихся к сформулированному моими оппонентами понимаю сути событий августа 2008 г. трудно квалифицировать иначе как «разжигание вражды». Ведь их объяснение вполне соответствует «эмоциональному фону в стране». В то же время я согласен с уважаемыми оппонентами в том, что, «к счастью, немало иностранных специалистов занимаются проблемами истории Грузии и в целом Кавказа...» (но это отнюдь не Гаджиев и не Червонная, не владеющие грузинским языком). Именно такие специалисты помогают развеять ложь, распространявшуюся относительно событий этой войны с подачи агрессора. Что же касается вопроса о том, имеют ли право осетины жить на территории Южной Осетии, то я бы рекомендовал оппонентам адресовать этот вопрос своим действующим политикам.

---

⁶ Jones S. F. Clash in the Caucasus: Georgia, Russia, and the Fate of South Ossetia // Origins, 2008, vol. 2, issue 2. <<http://ehistory.osu.edu/osu/origins/article.cfm?articleid=20>>

В этой связи внимания заслуживает мнение еще одного американского аналитика, которого грузинские коллеги почему-то не упомянули в своем «исчерпывающем» списке ссылок. Вот что он пишет: “The insistence on group dominance that motivated these wars stemmed from two main sources. One is simple chauvinism rooted in national mythology... Georgian mythology ... promotes the view that Georgians have the right to rule over all ‘Georgian lands’, a right they see exemplified by the glories of David the Builder and Queen Tamar but originating even earlier.”⁷

Наконец, о позиции грузинских историков, которую Н. Чиковани пытается показать в наилучшем свете – якобы они не принимали никакого участия в конфликте. А вот английский ученый, прекрасно знающий грузинский язык и не раз бывавший в Грузии, думает иначе. Он полагает, что значительная доля вины за конфликт падает на грузинских историков⁸. Хотелось бы напомнить грузинским коллегам о том, что грузинские историки очень активно выступали на страницах **пресс**ы конца 1980-х – начала 1990-х гг. и именно в том духе, который запомнился моим оппонентам. Или это тоже «тонкая тема», не терпящая обсуждения? Так что с признанием «собственных ошибок» дело обстоит не столь радужно, как хотят уверить читателей мои оппоненты.

Мне же представляется, что без честного и всестороннего анализа версий истории, созданных обеими конфликтующими сторонами, причем не без участия видных историков, невозможно создать действительно толерантный учебник, способный отказаться от прежних стереотипов, подливавших масла в огонь конфликта. Те же, кто видят в таком анализе «разжигание вражды», фактически заводят ситуацию в тупик, препятствуя глубокому пониманию конфликта. А без его понимания невозможно заниматься миротворчеством. И все это, безусловно, касается образов истории.

Похвальна эрудиция грузинских коллег, слышавших об Указе Президента РФ по поводу фальсификации истории, хотя они и не знают о последовавшей вслед за ним бурной дискуссии в среде российских историков. Однако, как представляется, этот сюжет не имеет никакого отношения к обсуждению вопроса о преподавании истории в Грузии. Впрочем, пользуюсь случаем проинформировать коллег о том, что скоро в Москве выйдет книга, специально посвященная поддельным историческим документам. Из нее читатель сможет узнать, как российские ученые представляют себе проблему фальсификаций и что действительно по этому поводу думают.

Впрочем, закончить хотелось бы на оптимистической ноте. Сегодня в Грузии господствует плюрализм мнений, и далеко не все грузинские ученые разделяют позиции, которые отстаивают мои оппоненты. Надеюсь, что и таким ученым когда-нибудь доведется участвовать в подобного рода конференциях, и тогда обсуждение будет более продуктивным. А в дальнейшем продолжении данной дискуссии я смысла не вижу, тем более что у меня имеются гораздо более интересные занятия, не терпящие отлагательства.

Считаю также нужным отметить комментарий проф. Ж. Б. Абылхожина, который не только адекватно понял то, о чем говорилось в моем выступлении, но и затронул чрезвычайно важную и болезненную проблему, связанную с положением историков в условиях господства этноцентризма, создающего жесткие рамки их творчеству. Здесь мы имеем дело с драматической ситуацией, в которой оказываются многие местные историки, причем как в России, так и в новых постсоветских государствах. Это – действительно очень серьезная проблема, заслуживающая самого пристального внимания, ибо напрямую относится

---

⁷ Kaufman S. J. *Modern hatreds. The symbolic politics of ethnic war.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P. 207.

⁸ Hewitt B.G. *The role of scholars in the Abkhazians' loss of trust in the Georgians and how to remedy the situation* // Mehmet Tutuncu (ed.). *Caucasus: war and peace. The New World disorder and Caucasus.* Haarlem: SOTA, 1998. Pp. 115-125.

к написанию школьных учебников. Надеюсь, благодаря нашему обмену мнениями, она тоже станет предметом заинтересованного обсуждения в будущем.